С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Аксаков

«Отелло, или Венецианский мавр»

«Public Domain»
1857

Аксаков С. Т.

«Отелло, или Венецианский мавр» / С. Т. Аксаков — «Public Domain», 1857

ISBN 978-5-457-32457-2

«Мы не станем излагать содержания пиесы, всем известной; она уже двадцать лет играется на театрах обеих столиц с большим успехом и нередко. Приступая к разбору игры действующих лиц, предварительно только скажем, что пиеса и особенно характер Отеллы обезображены: сначала г. Дюсисом, а потом русским переводчиком, который придал еще пиесе напыщенный слог, всего менее ей приличный; ибо Шекспир не придворный декламатор и писал не по классическим рамкам французских трагедий. Из этого следует, что сыграть трагедию «Отелло», как она есть, на русской сцене с желаемым совершенством – невозможно…»

ISBN 978-5-457-32457-2

© Аксаков С. Т., 1857
© Public Domain, 1857

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 7

Сергей Тимофеевич Аксаков «Отелло, или Венецианский мавр»

Трагедия в пяти действиях

17 июня, 1828 года.

Мы не станем излагать содержания пиесы, всем известной; она уже двадцать лет играется на театрах обеих столиц с большим успехом и нередко. Приступая к разбору игры действующих лиц, предварительно только скажем, что пиеса и особенно характер Отеллы обезображены: сначала г. Дюсисом, а потом русским переводчиком, который придал еще пиесе напыщенный слог, всего менее ей приличный; ибо Шекспир не придворный декламатор и писал не по классическим рамкам французских трагедий. Из этого следует, что сыграть трагедию «Отелло», как она есть, на русской сцене с желаемым совершенством – невозможно.

Роль Отеллы, пламенного, ревнивого до бешенства африканца, г. Мочалов играл прекрасно; характер в целом был выражен верно; нет сомнения, что, обладая сильнейшими физическими средствами, он мог бы выполнить его превосходнее; но от г. Мочалова зависит, чтобы мы никогда об этом не вспоминали. Мы видели в этой роли всех лучших русских актеров: гг. Яковлева, Мочалова (отца) и г. Брянского. Г-н Яковлев торжествовал в Отелле, и – не совсем справедливо, несмотря на его превосходные средства для выполнения этой роли в совершенстве. Довольно сказать, что он ее *декламировал с напевом* и некоторые черты характера неверно понимал.[1]

Впрочем, ярость, бешенство он выражал несравненно. Г-н Мочалов (отец), уступая ему в целом, имел счастливейшие минуты в переходах от бешенства к глубокому чувству нежности и страстной любви. Г-н Брянский играет эту роль вообще ровнее, благороднее, или, лучше сказать, пристойнее обоих; но что за Отелло, у которого не кипит в жилах кровь, не льется пламя знойных степей африканских?

По нашему мнению, отлично были выражены г. Мочаловым следующие места: в первом действии защитительные ответы Отеллы в сенате. С каким благородством, достоинством и скромностию сказал он: «Вспомни, что ненавидимый тобою мавр спас твое отечество», и потом с каким простосердечием произнес он: «Вот средства, вот опасное искусство, коими любовь обоих нас прельстила». Во втором действии Пезарро говорит: «Но для вельмож сих ты не что иное, как простой выслужившийся воин». Отелло возражает: «Простой выслужившийся воин! Дерзкое название сие обязывает их по крайней мере ко мне благодарностию. Так! благодаря их презрению, поддерживаемый самим собою, я достоин названия воина, вышедшего заслугами. Все сии вельможи, утвердив между собою законами права рождения, не совсем безрассудно поступили. Будучи одним знатным происхождением важны в свете, оно в глазах их все в себе заключает. Что бы осталось им, если б они не имели предков! А я, сын знойной степи, сын природы, обязанный всем самому себе и ничем гнусному обману, я шествую в мире без страха, без угрызения совести, во всей своей силе, во всей своей свободе». С какою благородною гордостию сказал г. Мочалов этот монолог, какая мимоходом сверкнула колкая насмешка в словах: *не совсем безрассудно поступили!* Последние строки возбудили в душе зрителей удивление к великому человеку – всем одному

[1] Вскоре после представления «Отеллы» Иван Афанасьевич Дмитревский, в одном дружеском обществе, доказал торжествующему г. Яковлеву, что он не понял роли в первом действии и в сенате представлял не великого человека, всегда благородно-скромного, но какого-то буяна (так выразился И. А. Дмитревский). Все без исключения и сам Яковлев были убеждены в истине его слов.

себе обязанному! Так же превосходно сказал он, при описании Пезарры действий ревности: «О, бедственное состояние!» Это был стон, вырвавшийся из сердца, предчувствующего, какою мукою ревности будет оно терзаться. В четвертом действии вопли его еще за сценою: «Измена, адский умысел!» показали нам, каким гневом кипит Отелло. Слова: «Нет, Пезарро, нет; она невинна, она непричастна злодейству. Можно ли ее винить за то, что она прелестна» и пр. были сказаны с такою истиною, верностью, что можно было подумать: *слава богу. Отелло образумился*. С глубоким, ужасным и холодным отчаянием произнес он: «Друг мой! минуты для меня драгоценны: я люблю республику» и пр. Сердце замирало от страха, когда Отелло, говоря с притворною холодностию, вдруг предался всей ярости своей: «В крови, столь гнусной, в крови, столь для меня ненавистной, я хочу видеть обоих их погруженными» и проч., но вторичный переход в бешенство, в том же монологе, после некоторого успокоения, который никем, никогда не выполнялся: «Но нет, чувствую, что моя злоба, выходя из пределов, возбуждает меня ко мщению. Иду напиться кровию лютейшего врага моего…» – был выполнен удивительно и показал нам неистощимый огонь артиста. Сожаление о Брабанцио было выражено с глубоким чувством: «Брабанцио, добродетельный старец» и проч. Душа возмущалась, когда говорил Отелло: «О, почто оставил я знойные степи, почто не умер неизвестным на берегах африканских». И потом: «Друг мой! ветры, носясь с яростию над главами нашими, предвозвещают бурю; вой свирепых тигров, как бы предостерегая, в лесах раздается; а женщина, с спокойным вероломством лаская нас, поражает кинжалом!» В пятом действии, когда на слова Эдельмоны: *«Отелло, сколько ты переменился»,* – он отвечает: «Еще, если б угодно было богу испытать меня несчастиями; еще, когда бы он поразил обнаженную главу мою всякого рода бедствиями, уничижениями; когда бы он повергнул меня во все горести нищеты; когда заключил бы меня в узы и разрушил все мои надежды, я бы нашел в удрученной душе моей несколько терпения. Но сделать меня предметом общего посмеяния; видеть себя столь жестоко оскорбленным, и от кого? – от женщины, в которой полагал я все мое блаженство» и проч. В этом монологе слова: *«Я бы нашел в удрученной душе моей несколько терпения»* – были превосходно произнесены: мы живо почувствовали всю силу характера, которую показал бы этот человек в несчастиях другого рода! Но в четвертом действии, в двух местах, г. Мочалов превзошел все наши ожидания, превзошел самого себя; это было торжество *одного* таланта. Никакое искусство не может достигнуть такой степени совершенства, с каким он сказал по прочтении письма: «О, вероломство!..» Из глубины души растерзанной, убитой вырвались эти звуки, слабо произнесенные, но всем слышные и потрясающие сердца. Слова же: «О, крови, крови жажду я!» были произнесены в неистовстве самим Отеллою.[2]

[2] Мы говорим о спектакле удачном. К сожалению, г. Мочалов играет не всегда одинаково, и, восхищаясь им сегодня, нельзя твердо надеяться того же удовольствия в следующем представлении той же пиесы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.